

НОВѢЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Библиографическая судьба Пушкина.

Полное собраніе сочиненій А. С. Пушкина. Томъ первый. Лирическія стихотворенія. (Съ двумя портретами автора). Изданіе второе, подъ редакціей Геннади. Сиб. Изданіе книгопродавца Н. А. Исакова. 1870.

Нигдѣ классическіе писатели не имѣютъ такой жалкой судьбы, какъ у насъ, — сотымъ и печальнымъ доказательствомъ того служить теперь, къ сожалѣнію, Пушкинъ и его поэзія. Послѣ продолжительнаго отсутствія его сочиненій, поднявшаго цѣну и на первое изданіе г. Исакова, мы дождались новаго бѣдствія, а именно — новаго его изданія, числомъ второго. Второе изданіе сочиненій Пушкина было начато 3-мъ томомъ, при выходѣ котораго мы обратили вниманіе на крайнюю небрежность и даже безграмотность редакціи его, безграмотность, простиравшуюся до того, что были, напр., сохранены опечатки перваго изданія и къ нимъ прибавлены безчисленные новыя. Не только въ этомъ-же духѣ безграмотности и крайней небрежности продолжается изданіе, но въ предисловіи къ первому тому мы читаемъ похвалу безкорыстію и усердію издателя своему же предпріятію, годную для рекламы. Съ этою цѣлью, публику извѣщается, что „особеннаго вниманія требовалъ первый томъ, заключающій въ себѣ лирическія стихотворенія“, что „со стороны издателя было-бы непроситительно не воспользоваться нынѣ дѣйствующими законами о печати для *возможно полной* передачи твореній величайшаго поэта Россіи“, и что „на сколько можно было, мы *пропечатами* (!?) стихи, обозначавшіеся прежде точками“. Все это сказано, какъ говорится, только для красоты слога. Положимъ, что издатель не принималъ личнаго участія въ процедурѣ изданія, но общество имѣетъ право возлагать на него всю отвѣтственность и обращаться къ нему съ упрекомъ, пока право собственности принадлежитъ ему исключительно, и пока выборъ лица, дѣйствительно завѣдующаго редакціей, будетъ зависѣть отъ него. Сокровищница нашей народной литературы слишкомъ бѣдна, чтобы не болѣть о печальной библиографической судьбѣ такого поэта, какъ Пушкинъ, и негодованіе общества по этому поводу будетъ всегда какъ нельзя болѣе законно и справедливо.

Прежде, чѣмъ докажемъ мы обстоятельно, что, во-первыхъ, издатель не только не обратилъ „особеннаго“ вниманія на первый томъ, но, на-

противъ, напечаталъ его безъ всякаго вниманія, и что, во-вторыхъ, онъ въ самой малой мѣрѣ воспользовался нынѣ дѣйствующими законами о печати, — мы скажемъ нѣсколько словъ о весьма странной выходѣ предисловія, доказывающей, что авторъ его не совсѣмъ твердъ въ понятіяхъ о литературной собственности: „Издатель, имѣя въ виду свое право литературной собственности на всѣ появившіяся хоть разъ въ печати сочиненія Пушкина, и желая этимъ правомъ воспользоваться въ интересъ читателей (?!), — покорнѣйше проситъ какъ родственниковъ поэта, такъ и всѣхъ лицъ, обладающихъ какими-либо драгоценными для насъ памятниками Пушкинской музыки, — помѣщать въ журналахъ или сообщать ему свои сокровища“. Издатель проситъ „помѣщать въ журналахъ“ произведенія Пушкина, а тамъ ужъ то, что помѣщено, ему принадлежитъ-молъ безъ всякихъ разговоровъ: онъ въ этомъ убѣжденъ; онъ прибавляетъ, что можно и ему сообщать „сокровища“, но, конечно, даромъ, ибо онъ, имѣя право литературной собственности на сочиненія Пушкина, пользуется этимъ правомъ только въ „интересъ читателей“. Хорошо безкорыстіе: заплатить за право собственности на сочиненія Пушкина 30 т. руб. сер., напечатать первое изданіе въ количествѣ 10.000 экземпляровъ и выручить за него до 60.000 р. сер., включая сюда расходы по изданію! Второе изданіе напечатано было тоже въ количествѣ 10.000 экземпляровъ, и всякій, умѣющій считать, легко пойметъ, что не совсѣмъ умѣстно послѣ всего этого говорить еще объ „интересѣ читателей“, тогда какъ настоящее изданіе доказываетъ совсѣмъ противоположное. Напрасно также издатель воображаетъ, что все то, что разъ появилось гдѣ-нибудь въ печати изъ непечатанныхъ произведеній Пушкина, принадлежитъ ему, издателю, въ силу литературной собственности. Развѣ не могло быть такого случая, что Пушкинъ подарилъ какое-нибудь произведеніе какому-нибудь лицу или продалъ, и неужели, если это лицо напечатаетъ означенное произведеніе, то ужъ въ силу этого другой приобрѣтаетъ на него право собственности? Кромѣ того, у нѣкоторыхъ лицъ есть значительныя собранія писемъ Пушкина, которыя, кромѣ біографическаго интереса, имѣютъ иногда и литературное значеніе гораздо болѣе цѣнное, чѣмъ многія изъ его мелкихъ статей и даже прозаическихъ переводовъ и компиляцій, входящихъ обыкновенно въ полное собраніе его сочиненій. Еслибы упомянутыя лица напечатали имѣющіяся у нихъ письма Пушкина, неужели этимъ самымъ актомъ они потеряли-бы на нихъ право собственности, а кто-нибудь другой, „въ интересъ читателей“, напечаталъ-бы ихъ отдѣльными томами и собралъ-бы дань съ читателей кредитными рублями. До сихъ поръ, въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, напечатано достаточно писемъ Пушкина, чтобъ составить изъ нихъ томъ — пусть кто-нибудь попробуетъ собрать ихъ и присвоить ихъ себѣ безъ всякихъ сношеній съ тѣми лицами, которымъ письма эти принадлежали,

и мы убѣждены, что судъ, если до этого дойдетъ дѣло, взглянетъ на такой поступокъ совсѣмъ не глазами издателя Пушкина, сколько-бы онъ ни увѣрялъ, что онъ сдѣлалъ это „въ интересѣ читателей“. Еслибы такой аргументъ имѣлъ юридическую силу, то, конечно, было-бы желательно, чтобы немедленно кто-нибудь, болѣе свѣдущій и болѣе добросовѣстный человекъ, издалъ Пушкина, игнорируя право литературной собственности другого лица. И такой человекъ имѣлъ-бы тысячи доказательствъ, что онъ дѣйствовалъ именно въ интересѣ читателей, ибо напечатать изданіе болѣе исправное, чѣмъ то, на которое осуждены теперь читатели, было-бы дѣйствительно заслугой передъ русскимъ обществомъ.

Такъ какъ ожидать этого невозможно, то мы рѣшаемся подробно свѣрить второе изданіе перваго тома съ первымъ изданіемъ того же тома, и, указавъ всѣ дополненія, сдѣланныя издателемъ въ настоящемъ изданіи, обнаружить въ тоже время всѣ неисправности и ошибки его, и затѣмъ напечатать тѣ пропуски, которые издатель не помѣстилъ не вслѣдствіе цензурныхъ затрудненій, а лишь вслѣдствіе крайней небрежности своей и крайней недобросовѣстности, которая сквозитъ почти на каждой страницѣ. Этимъ мы можемъ доставить десяти тысячамъ читателей, имѣющимъ первое Исаковское изданіе, возможность дополнить его и сдѣлать исправнѣе втораго изданія; лица, поставленные въ необходимость приобрести второе изданіе, найдутъ также въ нашихъ замѣткахъ матеріалъ для исправленій и дополненій этого изданія. Думаемъ, что мы беремъ на себя трудъ не безплодный въ практическомъ отношеніи, а въ отношеніи библиографическомъ — необходимый. Если между любителями Пушкина найдутся такія лица, которыя, имѣя первое его изданіе, позавидуютъ второму ради двухъ, приложенныхъ при немъ портретовъ Пушкина, изъ которыхъ одинъ есть копія съ гравюры, приложенной къ „Кавказскому Плѣннику“, когда онъ былъ изданъ въ первый разъ въ 1822-мъ году, а второй якобы копія съ гравюры Уткина, сдѣланная съ извѣстнаго портрета, писаннаго масляными красками О. А. Кипренскимъ, то смѣемъ увѣрить, что оба эти портрета не стоятъ одного, приложеннаго, напр., къ изданію Анненкова. Дѣло въ томъ, что обѣ гравюры сдѣланы плохо въ техническомъ отношеніи, а вторая, кромѣ того, есть искаженіе гравюры Уткина, а вовсе не копія съ нея, есть фантазія какого-то невѣжды, который вѣроятно имѣлъ передъ собой нѣсколько гравюръ и съ одной взялъ лобъ, съ другой губы, съ третьей бакенбарды и носъ; вышло что-то крайне печальное...

Начнемъ свои замѣтки съ той стороны изданія, которая прежде всего рекомендуетъ безграмотность и небрежность издателя, хотя онъ и увѣряетъ, что обратилъ на этотъ томъ „особенное вниманіе“. При разборѣ 3-го тома втораго изданія, мы говорили о томъ колоссальномъ количествѣ опечатокъ, которымъ онъ наполненъ; первый томъ

въ этомъ отношеніи еще превосходнѣе: не говоря объ опечаткахъ, которыя встрѣчаются въ срединѣ стихотворныхъ строкъ, какъ, напр., *отшельникъ* вмѣсто *отшельникъ* (стр. 13), *вздоръ* вм. *взоръ*, *отважнъ* вм. *отважно*, *забвенъ* вм. *забвенье*, *юрить* вм. *кипитъ*, *омихъ* вм. *долгихъ*, *Михайловну* вм. *Михайловичу*, — укажемъ только на то, что опечатки встрѣчаются въ прописныхъ буквахъ, въ началѣ строкъ, напр. (стр. 231), стихъ:

Гони ты Шеппинга отъ нашего порога,

напечатанъ такъ:

Дони ты Шеппинга...

и, наконецъ, въ самыхъ заглавіяхъ стихотвореній, напр., извѣстное стихотвореніе „Анчаръ“ названо „Ангаръ“ ¹⁾. Такимъ образомъ, издатель относительно опечатокъ крайне прогрессивенъ, и если мы дождемся третьяго изданія, то, безъ сомнѣнія, въ немъ „Мѣдный Всадникъ“ будетъ названъ, напр., „Бѣдный Праздникъ“, а „Полтава“ — „Управа“. и т. п.

Отмѣтимъ еще одну особенность второго изданія, введенную издателемъ, конечно, въ „интересѣ читателей“, о которомъ онъ такъ распространяется. Особенность эта заключается въ томъ, что издатель счелъ за лучшее, въ тѣхъ многихъ мѣстахъ стихотвореній, гдѣ онъ не возстановилъ текста, по цензурнымъ причинамъ или по небрежности, и гдѣ обыкновенно ставятся точки, совсѣмъ уничтожить послѣднія; съ перваго взгляда, читатель, не встрѣчая точекъ, можетъ подумать, что издатель дѣйствительно сдѣлалъ свое дѣло и возстановилъ почти всѣ пропуски, но при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что онъ употребилъ пріемъ весьма удобный — приказавъ уничтожить точки и сдвинуть наборъ. Неужели и это простая небрежность, а не... Мы не произнесемъ этого слова, предоставляя каждому самому найти его...

Дополненія, сдѣланныя во второмъ изданіи, и не сдѣланныя мы прослѣдимъ по первому изданію, то-есть возьмемъ порядокъ стихотвореній этого, а не второго изданія, гдѣ оно нѣсколько измѣнено, по причинамъ, быть можетъ, основательнымъ, но важности ни малѣйшей не имѣющимъ.

¹⁾ При первомъ томѣ приложено двѣ полныхъ страницы опечатокъ, но тутъ перечислены далеко не всѣ: ихъ смѣло наберется на 4 стр.; полагая, однако, что въ каждомъ томѣ только по 2 страницы опечатокъ, получимъ на 7 томовъ—14 стр., т.-е. почти цѣлый печатный листъ!..

Къ сестрѣ. — Стр. 1. Точки, поставленные на 1-й стран., не означаютъ пропуска, какъ то будетъ въ другихъ мѣстахъ. Четвертый стихъ сверху, на стр. 4, исправленъ: „увлекшись“, а не „увлечень“, какъ было прежде напечатано. Во 2-мъ изданіи восстановлены послѣдніе пять стиховъ, которыми кончалось въ рукописи стихотвореніе:

Оставляю темну келью,
Поля, сады свои;
Подъ столъ — клобукъ съ веригой,
И прилечу разстригой
Въ объятія твои.

Къ другу-стихотворцу. — Стр. 5, издатель не нашелъ возможнымъ поставить вездѣ вмѣсто „отшельникъ“ — священникъ, и сдѣлалъ пропускъ одного слова въ стихѣ:

Какъ въ церкви васъ учу, такъ вы и поступайте.

Неужели это такъ страшно и неужели болѣе позволительно быть „не трезвымъ“ отшельнику, т.-е. монаху, чѣмъ священнику? При этомъ замѣтьте, что этотъ священникъ, будучи не трезвъ, поступилъ, однако, весьма цѣлесообразно, сказавъ мужикамъ:

Какъ въ церкви васъ учу, такъ вы и поступайте,
Живите хорошо, а мнѣ не подражайте.

Замѣна слова „священникъ“ словомъ „отшельникъ“ и пропускъ „въ церкви“ — чисто дѣтская игра, къ которой не разъ прибѣгала блаженной памяти цензура также цѣлесообразно, какъ цѣлесообразно было съ ея стороны преслѣдовать „вольный духъ“ въ поварскихъ книгахъ.

Пирующие друзья. — Стр. 19—23, въ рукописныхъ сборникахъ это стихотвореніе называется — *Къ студентамъ*; во 2-мъ изд. оно названо *Пирующие студенты*: въ пирующихъ друзей обратила его цензура. Не правда ли, какъ это характеристично! Цензура же не пропустила въ 1-мъ изданіи тѣхъ двухъ стиховъ, которыми начинается вторая строфа и которые вошли во 2-е изданіе:

Ужели трезваго найдемъ
За скатертью студента?

Въ этой же строфѣ, черезъ шесть стиховъ, вмѣсто:

Защитникъ нѣги и прохладъ —

слѣдуетъ: „апостолъ нѣги и прохладъ“. Въ обоихъ изданіяхъ пропущены два заключительные стиха этой строфы, причемъ пропускъ не указанъ точками:

И будутъ самые пари
Завидовать студентамъ.

Мимоходомъ замѣтимъ, что первые четыре стиха строфы, начинающейся словами: „Острякъ любезный“ относятся къ Илличевскому; слѣдующіе восемь (А ты, красавецъ молодой,) къ князю А. М. Горчакову (нынѣ канцлеръ); затѣмъ, „Товарищъ милый“ и проч. — къ Пушкину; „О ты, который съ дѣтскихъ лѣтъ“ — къ М. Л. Языкову. Второй стихъ снизу, на стр. 21-й, надо читать: „Пріятель неизмѣнный“ (а не „задушевный“).

Городокъ.—Стр. 30—43, вмѣсто точекъ, на стр. 30, слѣдуютъ два стиха:

Какъ будто у налоя
Измученный дьячекъ.

Во 2-е изданіе эти стихи не только не внесены, но и уничтожены точки, находящіяся въ 1-мъ изданіи. Зато восстановлены четыре стиха, совершенно по непонятнымъ причинамъ пропущенные въ 1-мъ изданіи и замѣненные точками на стр. 36:

И ты, насмѣшникъ смѣлый,
Въ ней мѣсто получилъ,
Чей въ адѣ стихъ веселый
Поэтовъ раздражилъ ¹⁾.

Въ концѣ стихотворенія, послѣ стиха: „Я каюсь предъ Тобою“ слѣдуютъ:

Служителей твоихъ
Поповъ я городскихъ
Боюсь, боюсь бесѣды,
И свадебны обѣды
Затѣмъ лишь не терплю,
Что сельскихъ іереевъ,
«Какъ папа, іудеевъ
«Я вовсе не люблю»
*А съ ними крочковатый
Подъяческій народъ,
Лишь взятками богатый
И ябеды оплотъ.*

Стихотвореніе оканчивается собственно такъ:

Тогда, клянусь богами,
(И слово ужъ сдержу)
Я съ сельскими понами
Молебень отслужу.

Изъ этихъ 16-ти стиховъ въ 1-мъ изданіи напечатаны только тѣ, которые мы отмѣтили знакомъ „“; а во второе мѣ, кромѣ того, только тѣ, которые напечатали мы курсивомъ. Спрашиваемъ, что тутъ не позволи-

¹⁾ Стихи эти относятся къ Батюшкову и его стихотворенію: «Вѣдѣніе на берегахъ Леты».

тельнаго или соблазнительнаго въ остальномъ? Въ то время легкомысленныя насмѣшки надъ „попами“ были въ модѣ, и это обозначало своего рода либерализмъ. Кромѣ этого значенія, приведенные стихи другого и не имѣютъ, да и значеніе историческое ихъ весьма ничтожное, ибо они выражаютъ только субъективное чувство поэта къ попамъ въ шуточной, фамиллярной формѣ. Если о попахъ нельзя напечатать такихъ стиховъ, то слѣдовало исключить изъ всѣхъ сборниковъ пословицы о нихъ и еще болѣе такія пословицы, которыя выражаютъ какъ бы нѣкоторое фамиллярное отношеніе народа къ Богу, напр. „Богъ не мужикъ: бабу отыметъ, а дѣвку дастъ“ (См. у Дала, стр. 3). Наконецъ, въ послѣдніе годы, о духовномъ сословіи явилось столько разоблаченій, что стихи Пушкина—сама невинность. А между тѣмъ, цензура была въ этомъ отношеніи такъ строга къ Пушкину, что „попа“ всюду уничтожала; напр., въ стих. „Пушину“, стр. 44, 2 ст. снизу, она поставила „Съ нахмуреннымъ жрецомъ“ вмѣсто „попомъ“—второе изданіе не исправило и этого; строгость эту, по отношенію къ словамъ, можно замѣтить и въ другихъ мѣстахъ, напр., въ стих. „Въ альбомъ М. А. Щербинину“, стр. 189, цензура обратила „масонскую“ вѣру въ „пафосскую“:

Какъ вѣрный сынъ Пафосской вѣры,

тогда какъ слѣдуетъ:

Какъ вѣрный сынъ масонской вѣры.

Во 2-мъ изд. осталась вѣра „пафосская“!

Вишня.—Стр. 92—94, здѣсь пропуски тѣ же, что и во второмъ изданіи. Хотя стихотвореніе это очень гривуазно, но такъ какъ Пушкинъ издается не для дѣтей, то его слѣдовало бы возстановить. Въ немъ пропущено 44 строки, изъ которыхъ весьма многіе были возобновлены въ „Библиографическихъ Запискахъ“ 1858 года.

Истина.—Стр. 112, вмѣсто 3 и 4 стиховъ слѣдуетъ, какъ въ рукописи (исправл. во 2-мъ изд.):

И долго, долго повторяли
Пустые толки стариковъ.

Письмо къ В. Л. Пушкину.—На стр. 126, вмѣсто:

И мучить блѣднаго Ослова...
И лобъ угрюмый Шутовскаго...

по рукописи слѣдуетъ:

И мучить блѣднаго Шишкова...
И лобъ угрюмый Шаховскаго...

Вотъ странное „смягченіе“: назвать Шишкова—Ословымъ!

Во 2-мъ изданіи, такое смягченіе сохранено.

Къ Дельвигу.—Стр. 160, первый стихъ слѣдуетъ читать, какъ исправлено во 2-мъ изданіи:

Погибъ на утрѣ *вешнихъ* лѣтъ.

Посланіе къ Пушкину.—Стр. 176, пропущенное начало 6-го стиха отъ конца вставлено: „*Свой рай и счастье глупцамъ.*“

Къ А. Θ. Орлову.—Стр. 186, начало этого стихотворенія совершенно искажено въ обоихъ изданіяхъ, причемъ начальныя стихи перепутаны, и кромѣ того, пропущено 16 строчекъ, хотя стихотвореніе это вполне цензурно и было напечатано въ „Библіогр. Запискахъ“ 1858 г., № 11, выходившихъ въ Москвѣ подъ цензурою. Вотъ оно:

*О ты, который сочеталъ
Съ душою пылкой, откровенной,
(Хотя и русский генералъ)
Любезность, разумъ просвѣщенный!
О ты, который съ каждымъ днемъ,
Вставая на военну муку,
Усталымъ усачамъ верхомъ
Преподаешь парей науку,
Но не безславишь сгоряча
Свою воинственную руку
Презрѣнной палкой палача!
Орловъ, ты правъ: я покидаю
Свои гусарскія мечты,
И съ Соломономъ восклицаю:
Мундиръ и сабля суеты.
На генерала Киселева
Не положу моихъ надеждъ:
Онъ очень милъ, о томъ ни слова,
Онъ врагъ коварства и невѣждъ;
За жирнымъ, медленнымъ обѣдомъ
Я радъ сидѣть его сосѣдомъ,
До ночи слушать радъ его;
Но онъ—придворный: общанья
Ему не стоять ничего.*

Мы напечатали курсивомъ тѣ стихи, которые помѣщены въ обоихъ изданіяхъ,—остальное пропущено. Издатель не рѣшился возстановить той части стихотворенія, которая имѣетъ для насъ только историческое значеніе: въ настоящее время ни генералы, ни офицеры „не безславятъ свою руку палкой палача“, да и не могутъ безславить, ибо, вмѣсто произвола, существуетъ законъ и тѣлесныя истязанія совершенно изгнаны. А что это было 50 лѣтъ тому назадъ—кто же этого не знаетъ; объ этомъ даже въ официальномъ „Р. Инв.“ печаталось неоднократно, напр., въ статьяхъ о семеновской исторіи и командирѣ этого полка, Шварцѣ.

Къ П. Я. Чаадаеву.—Стр. 187—8, въ этомъ стихотвореніи, во 2-мъ

изд., не показано пропусковъ, хотя изъ 21-й строки этого стихотворенія напечатано лишь 11. Вслѣдствіе отсутствія указаній на пропуски, оно получило характеръ совершенно иной, или вѣрнѣе сказать потеряло всякій смыслъ.

Въ первомъ изданіи пропуски по крайней мѣрѣ показаны, и есть одна лишняя строка противъ 2-го изданія. Посланіе это принадлежитъ къ тому періоду дѣятельности Пушкина (1818 г.), когда онъ находился въ близкихъ отношеніяхъ съ либеральными людьми того времени и исполненъ былъ „вольнолюбивыхъ мечтаній“. Въ настоящее время, кромѣ поэтического своего достоинства, оно имѣетъ для насъ лишь автобиографическое значеніе. Желая хотя отчасти возстановить это стихотвореніе, мы печатаемъ, пропуская 6-й стихъ (первые пять напечатаны), слѣдующіе:

*Нетерпливою душой
Отчизны внемлемъ призыванье.
«Мы ждемъ, съ томленьемъ упованья»,
Минуты вольности святой,
Какъ ждетъ любовникъ молодой
Минуты сладкаго свиданья.
Пока свободою ¹⁾ горимъ,
Пока сердца для чести живы,
Мой другъ, отчизнѣ посвятимъ
Души прекрасные порывы.
Товарищъ, вѣрь: взойдетъ она,
Заря плѣнительнаго счастья —
Россія воспрянетъ ото сна...
.
.*

Напечатанные нами курсивомъ стихи есть въ обоихъ изданіяхъ; стихъ, отмѣченный знаками „“, находится только въ первомъ.

Н. П. Кривцову.—Стр. 190, въ пятомъ стихѣ отъ конца начальное слово „Христосъ“ возстановлено во 2-мъ изданіи.

В. В. Энгельгардту.—Стр. 203, вставлены во 2-мъ изд. два заключительные стиха, хотя не вполне, именно:

На счетъ
И (А) иногда на счетъ земнова.

Пропущено: „небеснаго царя“ въ первомъ стихѣ, и во 2-мъ, вм. *а* — поставлено *и*.

Уединеніе.—Стр. 205—207. Это извѣстное стихотвореніе напечатано дѣликомъ. Послѣ стиха:

На пагубу людей избранное судьбой,

¹⁾ Въ обоихъ изданіяхъ «надеждою». Не знаемъ, кому этотъ варіантъ принадлежитъ.

былъ слѣдующій пропускъ:

Здѣсь барство дикое, безъ чувства, безъ закона,
 Присвоило себѣ насильственной лозой
 И трудъ, и собственность, и время земледѣльца.
 Склоняся на чуждый плугъ, покорствуя бичамъ,
 Здѣсь рабство тощее влечется по браздамъ
 Неумолимаго владѣльца.
 Здѣсь тягостный яремъ до гроба всѣ влекутъ;
 Надеждъ и склонностей въ душѣ питать не смѣя,
 Здѣсь дѣвы юныя цвѣтутъ
 Для прихоти развратнаго злодѣя;
 Опора милая старѣющихъ отцовъ,
 Младые сыновья, товарищи трудовъ,
 Изъ хижины родной идутъ собою множить
 Дворовыя толпы измученныхъ рабовъ.

Слѣдующіе четыре стиха есть и въ первомъ изданіи; затѣмъ, второе изданіе дополняетъ конецъ рукописи:

И рабство, падшее по манію царя,
 И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
 Взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная заря...

Отвѣтъ, на вызовъ написать стихи въ честь Е. И. В. государыни императрицы Елисаветы Алексѣевны.—Стр. 212. Въ 7-мъ стихѣ, въ срединѣ, пропущено *царей* въ обоихъ изданіяхъ. Чтобъ судить насколько это будто бы не цензурно, надо знать, что, по словамъ поэта, хотя онъ и „не рожденъ царей забавить“, однако высокія качества императрицы заставляли его въ тайнѣ слагать въ честь ея гимны; онъ говоритъ:

Небеснаго земной свидѣтель,
 Воспламененною душой,
 Я пѣлъ на тронѣ добродѣтель
 Съ ея привѣтливой красой, и проч.

Понятно, поэтому, что упомянутый пропускъ просто забавень.

Къ Ѳ. Ф. Юргеву.—Стр. 210. Въ предпоследнемъ стихѣ вставлено во 2-мъ изд. пропущенное почему-то въ первомъ слово „сладострастье“.

Рдѣетъ облаковъ летучая гряда.—Стр. 217. Это граціозное стихотвореніе напечатано было первоначально въ „Полярной Звѣздѣ“ 1824-го г. стр. 198, съ тремя слѣдующими заключительными стихами:

Когда на хижины сходила ночи тѣнь,
 И дѣва юная во мглѣ тебя искала
 И именемъ своимъ подругамъ называла.

Въ послѣдующихъ изданіяхъ своихъ стихотвореній поэтъ исключалъ эти три стиха по особымъ, интимнымъ причинамъ, которыхъ давно не существуетъ; въ первомъ изд. эти три стиха отнесены въ примѣчаніе (прил. къ Соч. Пушк. стр. 40), во второмъ ихъ нѣтъ ни въ текстѣ, ни въ примѣчаніяхъ и не указанъ пропускъ.

Платонизмъ.—Стр. 225. Въ обоихъ изд. не обозначено, что это переводъ изъ Парни. Его перевелъ также и Рылѣевъ (См. лейпцигское изд. „Соч. Рылѣева“, 1861, стр. 319—320).

Чаадаеву.—Стр. 246, послѣ стиха:

Что нужды было мнѣ въ торжественномъ судѣ
пропущенъ стихъ, въ обоихъ изданіяхъ обозначенный точками:

Холопа знатнаго, невѣжды при звѣздѣ...

Послѣ того, какъ „Горе отъ ума“ пропущено цензурой съ ея діатрибами, несравненно болѣе сильными, чѣмъ этотъ стихъ, послѣ пропуска цензурою стихотворенія Лермонтова „На смерть Пушкина“, гдѣ есть извѣстное обращеніе именно къ „знатнымъ холопамъ“:

А вы, надменные потомки

Извѣстной подлостью прославленныхъ родовъ,

издатель Пушкина все-таки не рѣшился возстановить во 2-мъ изд. вышеприведенный стихъ. Въ самомъ концѣ стихотворенія пропущена третья строка снизу, невиннѣйшая, причѣмъ пропускъ не указанъ:

Вольнолюбивыя надежды оживимъ.

Наполеонъ.—На стр. 252-й пропускъ цѣлой строфы, которая обозначена точками; во второмъ изданіи она возстановлена, кромѣ одного стиха, гдѣ говорится о террорѣ и умерщвленіи Лудовика XVI; мы приводимъ ее вполнѣ, печатая курсивомъ пропущенный стихъ:

Когда надеждой озаренный,
Отъ рабства пробудился міръ,
И Галль, десницей разъяренной
Низвергнувъ ветхій свой кумиръ;
Когда на площади мятежной
Во прахъ царскій трупъ лежалъ—
И день великій, неизбѣжный,
Свободы свѣтлый день насталъ:

...И тѣкій духъ повѣялъ невидимо—Стр. 255. Стихотвореніе это, по силѣ поэтической выразительности, одно изъ лучшихъ пушкинскихъ произведеній, хотя сильно отзывающееся тогдашними воззрѣніями на роль наполеоновскихъ войнъ въ исторіи цивилизаціи, и написано было подъ впечатлѣніемъ извѣстія о смерти низверженнаго императора. Первые пять куплетовъ опущены въ обоихъ изданіяхъ, но почему — объяснить трудно, особенно послѣ того, какъ царствованіе и характеръ императора Александра I выяснены исторически съ достаточною полнотою, чтобъ снисходительно посмотреть на поэтическую фантазію, мало имѣющую общаго съ исторіей. Между тѣмъ посмотрите, какъ выразился прогрессъ между 1859-мъ годомъ, когда вышло 1-е изданіе Пушкина и 1870-мъ, когда вышло 2-е. Какъ мы сказали, въ обоихъ изданіяхъ стихотвореніе начинается 6-мъ куплетомъ. Вотъ какъ напечатанъ онъ въ 1-мъ изданіи:

.... И нѣкій духъ повѣялъ невидимо,
 Повѣялъ и затихъ..... и вновь повѣялъ мимо

 На порогъ вперилъ смутясь онъ очи ¹⁾
 Раздался бой полночи
 И се—внезапный гость предсталъ..

Не правда-ли, понятно и мило?! Такой видъ представляютъ иногда ассирійскія надписи, не пощаженные временемъ. Второе изданіе обнаружало свою смѣлость только тѣмъ, что послѣднюю строку напечатало такъ:

И се—внезапный гость въ чертогъ предсталъ. ²⁾

Вотъ этотъ куплетъ выполнѣ:

Онъ рекъ—и нѣкій духъ повѣялъ невидимо,
 Повѣялъ и затихъ—и вновь повѣялъ мимо.
 Владыку Сѣвера мгновенный хладъ обьялъ;
 На царственный порогъ вперилъ, смутясь, онъ очи—
 Раздался бой полночи—
 И се внезапный гость въ чертогъ царя предсталъ.

Приводимъ первый куплетъ этого стихотворенія:

Недвижный стражъ дремалъ на царственномъ порогѣ;
 Владыка Сѣвера одинъ въ своемъ чертогѣ
 Безмолвно бодрствовалъ и жребія земли
 Въ увѣнчанной главѣ стѣсненныя лежали,
 Чредою выпадали,
 И міру тихую неволю въ даръ несли.

Въ первомъ изд. предпослѣдняя строка послѣдняго куплета опущена цѣликомъ:

И съ миромъ иль позоромъ....

Во второмъ напечатана одна первая ея половина:

И съ миромъ

Къ морю. Стр.—288, въ послѣдней строкѣ третьяго куплета съ конца опущено въ обоихъ изданіяхъ слово „тирань.“

Первое посланіе къ Аристарху.—Въ рукописныхъ сборникахъ оно озаглавлено „Къ цензору“. Стр. 314, въ 6-мъ стихѣ снизу, точки перваго изданія послѣ буквы Къ восстановлены во 2-мъ изданіи:

Гласъ правды—мятежемъ, *Куницына*—Маратомъ.

Восстановлены также и слѣдующіе пропуски, на стр. 315:

Осмѣивать законъ, *правительство* и нравы...
 Радищевъ, *рабства врагъ, цензуры* избѣжалъ...

Стр. 316:

¹⁾ Въ этой строкѣ, послѣ слова «чертогъ», не указанъ пропускъ.

²⁾ Въ 2-мъ изданіи строка эта неправильно раздѣлена на двѣ.

Когда никто не смѣлъ отечества назвать,
И въ рабствѣ ползали и люди и печать.

Но пропускъ одного слова въ 8-мъ стихѣ сверху на той же страницѣ сохраненъ и во второмъ изданіи. Слово это „Христось“:

Хоть въ узкой головѣ придворнаго глупца
Кутейкинъ и Христось—два равныя лица.

Второе посланіе къ Аристарху.—Стр. 318, пятый стихъ сверху, напечатанный у насъ курсивомъ, опущенъ въ обоихъ изданіяхъ, а почему—никто не пойметъ въ наше время. Вотъ самое мѣсто:

Какъ изумилася поэзія сама,
Когда ты разрѣшилъ, по милости чудесной,
Завѣтныя слова: божественный, небесный—
И ими назвалась (для рѣмы) красота,
Не оскорбляя тѣмъ и Господа Христа!

За то на этой же страницѣ возстановленъ довольно большой пропускъ перваго изданія. Послѣ стиха: „Осиротѣлаго пѣвца Екатерины“ слѣдуетъ:

Онъ сѣтовалъ, когда одинъ ¹⁾ (?) святой отецъ
Омара да Али принявъ за образецъ,
Въ угоду Господу, себѣ во утѣшенье,
Усердно заглушать старался просвѣщенье;
Благочестивая, смиренная душа
Карала чистыхъ музъ, спасая Бавтыша,
И помогалъ ему Магницкій благородный,
Мужъ чистый въ правилахъ, съ душою превосходной,
И даже бѣдный мой К.... (Кавелинъ) дурачекъ,
Креститель Галича, Магницкаго дьячокъ.
И вотъ за всѣ грѣхи, въ чьи тягостныя руки
Вы были ввергнуты, печальныя науки!
Цензура, вотъ кому подвластна ты была!
Но полно: мрачная година протекла,
И нынѣ ужъ горитъ свѣтильникъ просвѣщенья.
Я съ переменю печатнаго правленья
Отставки цензору, признаться, ожидалъ;
Но самъ не знаю какъ—ты, видно, устоялъ.

19 Октября.—Стр. 332, вмѣсто строки точекъ, слѣдуютъ три стиха, относящіеся къ Пушкину, промѣнявшему службу въ гвардіи на мѣсто судьи въ московскомъ надворномъ судѣ:

Ты освятилъ тобой избранный санъ;
Ему въ очахъ общественнаго мнѣнья
Завоевалъ почтеніе гражданъ.

Этихъ стиховъ нѣтъ во 2-мъ изданіи, и вся эта строфа почему-то „возстановлена по черновой, напеч. въ Изв. II От. И. Ак. Н. 1857 г.“

¹⁾ Это слово лишнее и вставлено издателемъ, который не разъ, впрочемъ, поправлялъ Пушкина, взявъ на себя такую работу послѣ В. А. Жуковского.

вслѣдствіе чего она не выжета съ предыдущей строфой и представляеть загадку, разрѣшить которую мы не беремся. Замѣтимъ только, что „черновая“ вовсе не авторитетъ.

Пропускъ въ 1-мъ изд. на 335 стр. не возстановленъ и во 2-мъ изданіи. Послѣ стиха:

Ура нашъ царь! Такъ выпьемъ за царя!

слѣдуютъ:

Онъ человекъ—имъ властвуетъ мгновенье,
Онъ рабъ молвы, сомнѣнья и страстей;
Но—такъ и быть—простимъ ему говенье:
Онъ взялъ Парижъ и создалъ нашъ Лицей.

Послѣдній стихъ напечатанъ.

Андрей Шенье. — Здѣсь, въ 1-мъ изд., стр. 339, большой пропускъ послѣ стиха:

Я славилъ твой священный громъ.

Пропускъ этотъ возстановленъ во 2-мъ изданіи, и вотъ это мѣсто:

Когда онъ разметалъ позорную твердыню
И власти древнюю гордыню
Разсѣялъ пепломъ и стыдомъ:
Я зрѣлъ твоихъ сыновъ гражданскую отвагу,
Я слышалъ братскій ихъ обѣдъ,
Великодушную присягу
И самовластію безтрепетный отвѣтъ;
Я зрѣлъ какъ ихъ могучи волны
Все испровергли, увлекли,
И пламенный трибунъ предрекъ восторга полный
Перерожденіе земли.
Уже въ безсмертный Пантеонъ
Святыхъ изгнанниковъ всходили славны тѣни.
Отъ пелены предубѣжденій
Разоблачался ветхій тронъ.
Оковы падали. Законъ,
На вольность опершись провозгласилъ равенство,
И мы воскликнули: «блаженство!»....
О горе! о, безумный сонъ?
Гдѣ вольность и законъ? Надъ нами
Единый властвуетъ топоръ.
Мы свергнули царей! Убійцу съ палачами
Избрали мы въ цари! О ужась! о, позоръ!...
Но ты, священная свобода,
Богиня чистая! Нѣтъ не виновна ты:
Въ порывахъ буйной слѣпоты,
Въ презрѣнномъ бѣшенствѣ народа —
С(о)крывалась ты отъ насъ. Цѣлебный твой сосудъ
Завѣшенъ пеленой кровавой....
Но ты прийдешь опять со мщеніемъ и славой —
И вновь твои враги падутъ.
Народъ, вкусившій разъ твой нектаръ освященный,
Все ищетъ вновь упиться имъ;

Какъ будто Вакхомъ разъяренный,
Онъ бредитъ, жаждою томимъ....
Такъ! онъ найдетъ тебя подъ сѣнію равенства;
Въ объятіяхъ твоихъ онъ сладко отдохнетъ,
И буря мрачная минетъ.
Но я не узрю васъ, дни славы, дни блаженства....

Посланіе къ Великопольскому.—Стр. 389, въ 1-мъ изд. непонятный пропускъ одного слова, въ 7-мъ стихѣ отъ начала, восстановленъ во 2-мъ изданіи:

Съ какимъ усердьемъ онъ *молился*.

Риѣма — звучная подруга. Стр. — 404 — 406. Точки, означенныя въ этомъ стихотвореніи или поставлены самимъ Пушкинымъ, или означаютъ мѣста, которыя нельзя было разобрать. Стр. 405, исправленъ стихъ:

Въ дни, *какъ* еще толпилось;

вмѣсто:

Въ дни, *когда*...

Отвѣтъ анониму.—Точки, стр. 441, означаютъ, что стихотвореніе не окончено, а не что либо другое.

Осень.—Стр. 451, въ третьей строфѣ, второй стихъ оканчивается словомъ „рѣкъ“, а не „водъ“, какъ было напечатано въ 1-мъ изд.

Моя родословная.—Стр. 465—7. Въ текстѣ 2-го изданія въ этомъ стихотвореніи тѣ же пропуски, что и въ первомъ изданіи, но въ примѣчаніяхъ къ 1-му тому перепечатаны изъ „Библиогр. Записокъ“ (1858 г., № 11) пропуски; мы приводимъ ихъ въ болѣе полномъ видѣ, отмѣчая курсивомъ наши дополненія. Послѣ 4-го стиха:

Я не лейбъ-кучеръ, не ассесоръ:
Я по кресту не дворянинъ,
Не академикъ, не профессоръ,
Я просто—русскій мѣщанинъ.

Послѣ 8-го стиха:

Не торговалъ мой дѣдъ блинами,
Въ князя не прыгалъ изъ хохловъ,
Не пѣлъ на клиросѣ съ дячками,
Не ваксилъ *царскихъ* сапоговъ.
И не былъ бѣглымъ онъ солдатомъ
Нѣмецкихъ пудренныхъ дружинъ.
Куда-жъ мнѣ быть аристократомъ?
Я, слава Богу, мѣщанинъ.

Послѣ 28-го стиха:

Его примѣръ будь намъ наукой;
Не любить спора властелинъ;
Не всякъ князь Яковъ Долгорукой;
Счастливъ покорный мѣщанинъ.
Мой дѣдъ, когда *мятежъ* поднялся
Средь петергофскаго двorca,

Какъ Минихъ, вѣренъ оставался
 Паденью *Третьяго Петра*.
 Попали въ честь тогда *Орловы*,
 А дѣдъ мой въ крѣпость, въ карантинъ,
 И присмирѣлъ нашъ родъ суровый,
 И я родился мѣщанинъ.

Когда великое свершалось торжество.—Стр. 531. Послѣ стиха:

Къ чему, скажите мнѣ, хранительная стража?

во 2 изд. восстановлены два стиха:

Или распятіе — казенная поклажа,
 И вы боитесь воровъ или мышей?

Послѣ стиха:

Бичамъ мучителей, гвоздямъ и копію...

въ 1-мъ изд. опущены четыре стиха, также восстановленные во 2-мъ изданіи:

Иль опасаетесь, чтобъ чернь не оскорбила
 Того, чья казнь весь родъ адамовъ искупила?
 Иль, чтобъ не потѣснить гуляющихъ господъ;
 Пускать не велѣно сюда простой народъ?

Изъ VI Пиндемонте.—Стр. 532. Въ обоихъ изданіяхъ въ пятомъ стихѣ опущено одно слово:

Или мѣшать *царямъ* другъ съ другомъ воевать....

Въ 15-мъ стихѣ восстановленъ во 2 изд. пропускъ:

Служить и угождать; для *власти*, для *мщрен*.

Точки, находящіяся на стр. 11, 12, 97, 98, 139, 237, 279, 362, 363, 395, 464 и 535 не означаютъ пропусковъ, а поставлены самимъ Пушкинымъ.

Переходимъ къ «дополнительнымъ стихотвореніямъ». Такъ называлъ издатель стихотворенія, «почему либо пропущенныя въ его изданіи, или доставленныя по отпечатаніи этого тома». Этотъ отдѣлъ доказываетъ только ту небрежность, съ какою велось изданіе: нѣсколько стихотвореній, помѣщенныхъ здѣсь, напр. „изъ Шенье“, „Филимонову“, печатались во всѣхъ изданіяхъ, начиная съ Плетневскаго, на своемъ мѣстѣ; теперь отнесли ихъ къ „дополнительнымъ“, создавъ, такимъ образомъ, новый родъ поэзіи. Изъ прочихъ стихотвореній, принадлежность Пушкину двухъ, доставленныхъ издателю княземъ Н. А. Долгоруковымъ, кажется намъ очень сомнительною, ибо въ обоихъ, кромѣ пошлости, ровно ничего нѣтъ. Первое называется „На профессора“—самое заглавіе отнюдь не напоминаетъ Пушкина:

Могу тебя измѣрить разомъ,
 Мой другъ Черныякъ.
 Ты математикъ—минусъ разумъ,
 Ты злой насмѣшникъ—плюсъ дуракъ.

А вотъ другое, безъ заглавія:

«Ахъ, тошно, тошно! помогите!»
 — Да отчего же тошно вамъ?
 Ужъ не отъ сладкаго-ль, скажите?
 «Такъ, такъ! отъ вашихъ эпиграммъ».

Остаются еще три: „Молитва лейбъ-гвардіи гусарскихъ офицеровъ“, „Сказали разъ царю“ (а не „Сказали королю“, какъ напечатано во 2-мъ изд.) и „На выздоровленіе Лукулла“. Последнее было напечатано еще въ 1835 г. въ „Московскомъ Наблюдателѣ“; оно написано было на выздоровленіе бездѣтнаго графа Шереметева, послѣ смерти котораго все имѣніе должно было перейти къ С. С. Уварову (тогда еще не графу), какъ ближайшему родственнику. Увѣренный въ близкой кончинѣ Шереметева, наслѣдникъ опечаталъ - было имущество графа, но тотъ выздоровѣлъ и разумѣется не поблагодарилъ наслѣдника. Стихотвореніе глубоко оскорбило Уварова и не появлялось до сихъ поръ въ изданіяхъ сочиненій Пушкина; въ 1858 г. (№ 12) его напечатали „Библиограф. Записки“.

Въ предисловіи издатель говоритъ, что онъ помѣстилъ въ этомъ изданіи все то, что появлялось въ печати изъ мелкихъ стихотвореній Пушкина послѣ перваго его изданія. Это невѣрно: издатель дѣйствительно напечаталъ нѣсколько двустипій, четверостишій и мелкихъ, по большей части совершенно ничтожныхъ стихотвореній, явившихся въ періодическихъ изданіяхъ, но все это набрано очевидно случайно; попало подъ руку—напечатали, нѣтъ—и не надо. Мы помнимъ, напр., что эпиграмма на „Исторію Государства Россійскаго“ напечатана два раза: въ сочиненіи г. Погодина „Н. М. Карамзинъ“, и приведена въ нашемъ журналѣ за прошлый годъ; „Не то бѣда, что ты полякъ“, „Къ Смирдину какъ ни зайдешь“, „Про себя“ напечатаны по нѣскольку разъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, а первое еще при жизни Пушкина, въ „Сынѣ Отечества“ 1830 г., № 17; въ „Библиогр. Зап.“ № 11) и „Атенеѣ“ (№ 25) 1858 г. напечатана „Десятая Заповѣдь“; въ „Библиогр. Зап.“ того же года напечатаны: „Иной имѣлъ мою Аглаю“ (№ 1), „Посланіе къ Олениной“ (№ 11); въ „Атенеѣ“ 1859-го года, въ „Зап. Пушина“, напечатаны первые шесть стиховъ „Отъ всенощной, вечеръ, идя домой“; все это и кое-что другое не вошло во 2-е изданіе. Какимъ же образомъ издатель увѣряетъ, что онъ напечаталъ все, что появилось въ журналахъ послѣ 1859 г.? Конечно, это не грубый обманъ, а та же небрежность. Отъ небрежности опечатки, пропуски, уничтоженіе точекъ тамъ, гдѣ онѣ необходимы, повтореніе ошибокъ

перваго изданія ¹⁾, помѣщеніе стихотвореній по два раза, разъ въ текстѣ, а другой разъ въ примѣчаніяхъ (напр. *Псковъ*, стр. 551 и XXXVI), произвольное измѣненіе стиховъ и замѣна въ нихъ одного слова другимъ, повтореніе по два, по три раза въ „Указатель стихотвореній“ одного и того же произведенія, отчего во 2-мъ изданіи по „Указателю“ значится 893 стихотворенія, въ первомъ-же изданіи, гдѣ повторенія не такъ часты—только 600 съ небольшимъ—все это отъ простой небрежности, отъ безграмотности, и все это въ „интересѣ читателей“, все это отъ „особеннаго вниманія“, котораго „требовалъ первый томъ,!“... Что-же представляютъ остальные томы, на которые не было обращено „особеннаго вниманія“?... Желательно было-бы знать, насколько участвовалъ въ этой небрежности г. Геннади „подъ редакціей“ котораго яко-бы вышло это изданіе? Первое изданіе тоже было подъ редакціей г. Геннади, и хотя онъ обнаружилъ свои библиографическія познанія только усердными перепечатками библиографическихъ указаній г. Анненкова ²⁾, но по крайней мѣрѣ онъ наблюдалъ за корректуру, которая гораздо исправнѣе въ первомъ изданіи. Неужели съ того времени онъ разучился и корректуру держать, или только „редакція“ его—чисто номинальная, и онъ все дѣло изданія предоставилъ наборщикамъ?.. И послѣ этого издатель обращается къ „родственникамъ поэта“ и всѣмъ, имѣющимъ его письма или произведенія, чтобъ они торопились все это печатать или доставлять ему, а онъ будетъ издавать „въ интересѣ читателей“, великодушно забывая свой собственный интересъ! Но кто-жъ, дорожающій памятью Пушкина, вѣрится такому издателю что-нибудь для изданія послѣ того, какъ онъ такъ блистательно доказалъ свои „издательскія“ способности?

Такова судьба Пушкина: при жизни его постоянно опекали, опекали послѣ смерти; первое посмертное изданіе заключало чуть не половину изъ всего имъ написаннаго, причемъ друзья передѣлывали его стихи и вставляли свои собственные, иногда противорѣчившіе тону и мысли произведенія, какъ напр. вставки въ „Мѣдномъ Всадникѣ“; наконецъ, бросили великаго нашего поэта на жертву книгопродавческой эксплуатаціи. Благо еще ему, что произведенія его попали на время къ такому

¹⁾ Кстати: въ изданіи г. Анненкова былъ невѣрно напечатанъ одинъ стихъ въ стихотв. изъ Альфіери, именно: «Невѣрная супруга Филиппу»—такъ онъ и печатается до сихъ поръ, хотя всякому мало-мальски имѣющему ухо ясно, что такого стиха не могъ написать Пушкинъ, потому что въ немъ нѣтъ мѣры; слѣдуетъ: «Невѣрная супруга я Филиппу».

²⁾ Размышленія самого г. Геннади лишены всякой прозорливости и даже сообразительности: такъ онъ подозреваетъ, что переводъ „Пуншевой пѣсни“ Шиллера, переводъ очень хорошій, сдѣланъ не Пушкиннимъ, а братомъ его, Львомъ Сергѣевичемъ, который по стихотворной части совсѣмъ неизвѣстенъ. Подозрѣніе свое г. Геннади основалъ на томъ, что будто стихи перевода „небрежны“...

лицу, какъ г. Анненковъ, который очень много сдѣлалъ для его біографіи и бібліографіи его произведеній; безъ этого, при издательской добросовѣстности у насъ, что бы мы имѣли?!

Заклучимъ курьезомъ: въ предисловіи издатель, желая показать читателямъ, что онъ дѣйствительно „старался“, выражаетъ сожалѣніе о томъ, что никакъ не могъ найти пропусковъ въ стихотворенію „Ненастный день потухъ“. Между тѣмъ, еще со времени Бѣлинскаго извѣстно, что въ этомъ стихотвореніи точки поставлены самимъ Пушкинымъ.

Въ Захолустьи и въ столицѣ. Скалдина. Спб. 1870.

Сколько можно судить по этому сочиненію г. Скалдина, онъ человѣкъ спокойный, разсудительный, благонамѣренный, равнодушный къ „формамъ правленія“, или, по крайней мѣрѣ, отрицающій зависимость отъ нихъ „прочныхъ успѣховъ народной жизни“, строго относящійся къ увлеченіямъ и въ жизни и въ литературѣ (хотя разумѣющій ихъ историческую неизбѣжность), порицающій нѣкоторыхъ мпровыхъ посредниковъ за ихъ, какъ онъ называетъ, „мальчишество“, т.-е. „ложное пониманіе либеральныхъ идей“ и неодобряющій періодическую печать за тоже „мальчишество“, выражавшееся въ томъ, что она будто бы принимала „подъ свое покровительство всякую выходку противъ помѣщиковъ и захваливала на смерть тѣхъ либеральныхъ (курс. въ подл.) дѣятелей, которые успѣли отличиться въ этомъ направленіи“; г. Скалдинъ не демократъ и стоитъ за дворянство, какъ за элементъ, существенно необходимый въ русской жизни, безъ котораго „Россія походила бы на телѣгу о трехъ колесахъ“; вообще онъ не отрицаетъ ничего изъ существенныхъ чертъ нашего государственнаго и общественнаго устройства; онъ не противникъ ни крупнаго землевладѣнія, ни общиннаго, если то и другое объясняется историческимъ ходомъ событій; онъ все переработалъ опытомъ и размышленіемъ и все возможности уравнивалъ; на все онъ отвѣтитъ, дурно ли, хорошо ли, по вашему мнѣнію, но онъ отвѣтитъ основательно, потому что каждый отвѣтъ его покоится на тѣхъ или другихъ причинахъ, есть результатъ опыта и спокойнаго, благоразумнаго анализа. Онъ весь на лицо въ своей книгѣ; никакихъ затаенныхъ идей вы не подмѣтите въ немъ, не найдете ничего недосказаннаго, ничего такого, гдѣ можно было-бы читать между строкъ, или лучше сказать, гдѣ бы авторъ приглашалъ читать между строкъ; самыя противорѣчія, кое-гдѣ встрѣчающіяся, легко объяснимы главнѣйшими свойствами интеллектуальной личности автора. Поставленный внѣ условій направленій нашей журналистики, будучи очевидно не присяжнымъ литераторомъ, г. Скалдинъ обо всемъ